

Жюли Мулен: «Не понимая 1990-е, нельзя понять современную Россию» | Julie Moulin : « Il est impossible de comprendre la Russie actuelle sans comprendre les années 1990 »

Автор: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 16.10.2019.

Жюли Мулен со своим новым романом (с) Nashagazeta

Месяц назад в свет вышел новый роман «о России», удивительным образом обошедший – почти! – политику, зато сразу обративший на себя внимание камерностью и лиричностью повествования и узнаваемостью персонажей. Мы с радостью рекомендуем вам «Домового» и знакомим с его автором.

Il y a un mois un nouveau roman « sur la Russie » a vu le jour, sans qu'il touche – ou presque ! – à la politique. Il nous a attiré par son côté intimiste et lyrique, ce que n'enlève rien de la véridicité des personnages. C'est avec joie que nous vous présentons le « Domovoï » et son auteur.

Julie Moulin : « Il est impossible de comprendre la Russie actuelle sans comprendre les années 1990 »

Жюли Мулен родилась в Париже в 1979 году – возраст скрывать ей еще рано, так что не будем делать из этого тайну и мы. Ее детство и юность прошли в пригороде французской столицы, куда она позже вернулась, поступив в Sciences-Po – Институт политических исследований, один из престижнейших вузов страны, – где продолжила начатое в школе изучение русского языка. Страстно увлекающаяся Россией, она неоднократно бывала там, причем не только в Москве и Санкт-Петербурге. В 2003 году Жюли поселилась во французском департаменте Эн, недалеко от швейцарской границы. Поработав в банке, она теперь полностью посвятила себя сочинительству и занятиям с начинающими писателями, а также участию в различных книжных ярмарках. «Домовой» – второй роман Жюли Мулен, первый, «Юбка и брюки» (Jupe et Pantalon) вышел три года назад в том же французском издательстве, Alma.

В романе «Домовой» невероятным образом пересекаются – в Москве! – две непересекающиеся, казалось бы, параллели: жизни Анны и ее дочери Клариссы, решившей разгадать тайну исчезновения матери. Роман, в котором Любовь превалирует над всем остальным. Встречайте автора!

Наша Газета: Жюли, начнем с вопроса, лежащего на поверхности. Откуда такая страстная любовь к России, ведь кровные узы, если я правильно понимаю, ни при чем?

Жюли Мулен: Совершенно ни при чем! Мою любовь к России, как и любое иррациональное чувство, логически объяснить невозможно. Но можно проследить ее, так сказать, корни. Когда я училась в совершенно обычном государственном колледже недалеко от Версаля, нам предложили для изучения второй иностранный язык на выбор: немецкий, испанский и русский. Будучи по природе своей любопытной, я выбрала русский. И тут мне несказанно повезло: моим учителем была мадам Йованович, француженка, заразившая меня своей любовью к русскому языку и культуре. С тех пор у меня были другие педагоги, учившие именно языку, но Любовь – это от мадам Йованович, тем более что именно с ней я впервые побывала в России, в 1993 году. Можете представить себе, какой это был шок для меня, девочки, выросшей в коконе французской буржуазной семьи!

Мою любовь к России, как и любое иррациональное чувство, логически объяснить невозможно. Но можно проследить ее, так сказать, корни.

Думаю, не меньший, чем для Вашей героини Анны, тоже отравившейся в

Москву в 1993-м, но в возрасте 20 лет. Можно ли говорить о биографическом или автобиографическом романе?

Нет, хотя я вложила в него много собственных чувств и ощущений, в силу чего роман вышел очень интимным: я до сих пор явственно помню все первые впечатления от Москвы, образы, запахи. Однако персонажи – вымышленные, лишь с некоторыми «намёками» на реальных людей, а повествование основано не только на моих личных воспоминаниях, но и на беседах со многими людьми старше меня, неоднократно бывавшими в России в начале 1990-х годов и сохранившими четкие воспоминания. Сама я тоже часто бывала там, но позже, с 1998 по 2003 годы – ездила под любым предлогом, например, под предлогом стажировки в московском офисе Gaz de France. Меня приняла, как родную дочь, семья Алексея Сидорова, дружба с которой продолжается по сей день – это моя приемная русская семья.

Насчет семьи: почему Кларисса, вполне современная девушка, обращается к своему отцу на вы?

(смеется) Странно, правда? Но знаете, когда я училась в Sciences-Po, у меня были друзья, которые обращались к родителям на вы. Такая традиция еще сохранилась в некоторых старинных французских буржуазных семьях. А именно в такой среде живет Кларисса с ее отцом. Вообще, я сама часто предпочитаю сохранять форму «вы», позволяющую высказать напрямую некоторые вещи, которые более интимная форма «ты» сказать не позволяет.

Будучи явным гуманитарием, Вы успели поработать и в газонефтяной отрасли...

Да просто потому, что я любым способом хотела пожить в России, а в этой отрасли работал мой отец, поэтому были контакты. Я три месяца проучилась в РГУ нефти и газа имени Губкина, выучив массу терминов, связанных с бурением, которые не знала даже на французском. Это был интересный опыт, который привел меня в Женеву, в банк BNP Paribas, сотрудничавший с российскими нефтяными компаниями. Потом я шесть лет проработала в области микрофинансирования в женевском фонде BlueOrchard, занимаясь проектами на постсоветском пространстве. Таким образом я побывала в Семипалатинске, в Молдавии, в Самаре, в Грузии, Армении... Но я всегда хотела писать и в конце концов решила посвятить себя именно этому.

Вы впервые оказались в России в 1993 году, в самый сложный, неприятный период новейшей истории. И отлично видели все негативные стороны, давно перешедшие в разряд клише, и не скрываете их. Но это Вас не только не оттолкнуло, а наоборот. Вы даже полюбили запах укропа, что редкость для иностранцев.

Запах укропа для меня – это запах России. При этом я старалась не впасть в клише типа гуляющих по улицам медведей!

Ну, это уже не клише, а просто глупость. Все остальные клише, давайте назовем их правдивыми, в книге присутствуют.

Справедливое замечание. Да, я приняла Россию целиком, какой увидела, и безумная жара в квартирах зимой, вынуждающая в мороз открывать окна, неразрывно связана

для меня с человеческим теплом, которым я всегда оказываюсь там окружена. Многие мои знакомые, не знающие русского, увидели в Москве лишь двери в метро, которые никто не придерживает, и непроницаемые лица пассажиров. А я увидела совсем другое. Но даже я, взяв с собой в Москву в 2015 году моих детей 9 и 7 лет, говорила им: смотрите по сторонам, будьте осторожны, никто не остановится на переходе... А на деле все останавливались, уступали место в метро, пропускали вперед... И дети мои смотрели на меня с недоумением. Единственное, что всегда смущало меня в России, это боязнь, что я не смогу ответить тем же вниманием, добротой, заботой, которые изливали на меня мои русские друзья, которые в каждый мой приезд оставляли все свои дела и занимались мной.
Я приняла Россию целиком, какой увидела, и безумная жара в квартирах зимой, вынуждающая в мороз открывать окна, неразрывно связана для меня с человеческим теплом, которым я всегда оказываюсь там окружена.

И это - тоже правдивое, но уже положительное клише!

Разумеется, как и то, что русское мороженое – лучшее в мире! (Смеется.) Если говорить серьезно, то русское гостеприимство – совершенно особое явление, на которое мои западные друзья иногда просто не знают, как реагировать. Для них 1990-е годы – ужасный период, распад СССР, полный развал, Горбачев-освободитель... А я увидела богатейшую культурную жизнь, продолжавшуюся на фоне этого развала, а также невероятную силу, проявленную россиянами, жизнь которых изменилась в одночасье. Я часто бывала на концертах в Большом зале консерватории, в Большом театре, а также узнала множество современных песен – мои друзья тогда особенно увлекались Виктором Цоем, ДДТ, «Аквариумом».

При всех признаниях в любви, которыми полна Ваша книга, я не могла не обратить внимание на непривлекательные стороны россиян, подсмотренные Клариссой в 2015 году, - их шовинизм, закрытость, вечные поиски врага, виновного во всех их бедах... Все это очень актуально и сегодня.

Знаете, именно из-за этого я не уверена, что моим русским друзьям понравится роман, ведь все это я не только наблюдала, но и слышала от них, сохраняя при этом критический взгляд француженки. Иногда я с ними согласна – антироссийская пропаганда на Западе существует, как и антизападная – в России. Но нельзя все оправдать происками американцев, а заставить их критически взглянуть на себя, на свою страну крайне сложно.

Еще Пушкин признавался, что сам готов критиковать Россию, но не выносит, когда это делают иностранцы. Добавим, особенно иностранцы, ничего о ней не знающие.

Уверяю Вас, о французах можно сказать то же самое. Гораздо легче жить, отрицая собственную ответственность, а общий враг спланирует. С моими русскими друзьями я старалась избегать политических тем, чтобы не поссориться. При этом в романе я стремилась отразить разные точки зрения, тем более что «открытость – закрытость» – основная тема [«Домового»](#).

Затронув политику, нельзя обойти стороной наблюдающееся на Западе отождествление России с ее президентом.

Да, как нельзя ни разу не упомянуть президента Путина в романе о современной России, особенно когда одна из главных героинь – будущий политолог. Но во всех моих частных разговорах и публичных выступлениях я пытаюсь эти понятия разделять. Действительно, несогласие с правящей властью отражается на восприятии всей страны, ее жителей, а мне очень хотелось «реабилитировать» эти образы и объяснить, почему русские так боятся новых потрясений и держатся за «стабильность». А Путин на этом играет, конечно.

Как Ваш издатель согласился на выпуск книги, само название которой требует перевода и разъяснений?

Не знаю, но очень рада, что согласился. Может быть, он счел загадочность привлекательной для франкоязычного читателя? Надеюсь, теперь это слово войдет в обиход.

Да, вслед за спутником, перестройкой и гласностью... С первых же страниц романа и на всем его протяжении читатель ждет развязки трагедии, незримо присутствующей за полями. Значит ли это, что без трагедии, или хотя бы драмы, никакая книга о России невозможна?

Ох... я об этом не задумывалась, но это очень интересный вопрос! Если вдуматься, может, Вы и правы, ведь во всей русской классической литературе, которую я проглатывала с 14 лет и которой насквозь пропиталась, трагедия присутствует. Вполне вероятно, что это сформировало мой взгляд на мир и даже на манеру писать, даже если теперь мои любимые писатели – это Гоголь и Булгаков. «Мастера и Маргариту» я читала уже шесть или семь раз, я просто обожаю этот роман, он вошел в мою жизнь, а подарила мне советское его издание моя первая приемная русская семья, в 1993 году. Разумеется, тогда я была неспособна прочитать его по-русски!

Невозможно серьезно обсуждать Ваш роман, не остановившись на персонаже Сережи, олицетворяющего русского мужчину. О русских женщинах разговоров масса, а вот о мужчинах...

Для меня Сережа – главный герой романа, даже если он немногословен. Я знала одного Сережу, поэтому создание персонажа не составило для меня труда. Я понимаю, что он выглядит стереотипно, но ведь столько было таких, да и есть – настаивающих на том, чтобы подать женщине пальто, открыть перед ней дверь, помочь нести не только чемодан, но даже дамскую сумочку! Но параллельно я повидала столько семей, в которых на женщине лежит все, в дополнение к работе: дети, готовка, посуда, стирка, глажка (обычно в полночь). А все эти бабушки, взваливающие на себя непосильные ноши! Так что между повседневностью и букетом цветов на 8 марта явно что-то не клеилось. Для меня совершенно очевидно, что глава большинства русских семей – женщина. При этом мне не хотелось представлять Сережу в черном цвете, потому что именно через этот персонаж я постаралась выразить мое восхищение всем этим поколением русских людей, оказавшимся зажатым между двумя эпохами, пережившим 1990-е годы, сумевшим адаптироваться к новым условиям, когда все привычные ориентиры исчезли. Рядом с ними мы, европейцы, просто беспомощные дети! Не понимая, не зная, через что прошло это поколение, невозможно понять современную Россию. При этом я очень серьезно восприняла слова, которые часто слышала и которые произносит Сережа в романе: «у тебя французский паспорт, ты можешь уехать, когда хочешь».

Я постаралась выразить мое восхищение всем этим поколением русских людей, оказавшимся зажатым между двумя эпохами, пережившим 1990-е годы, сумевшим адаптироваться к новым условиям, когда все привычные ориентиры исчезли. Рядом с ними мы, европейцы, просто беспомощные дети!

Учитывая этот важный нюанс, можете ли Вы, наперекор Тютчеву, утверждать, что понять Россию и русских можно?

Мне кажется, именно это я и попыталась сказать моим романом. Более того, размышляя о другом, задумываешься и о себе, по-иному воспринимая собственную страну. Поэтому в романе присутствует и Франция. Открытость обогащает! А Анна, имея французский паспорт, не хочет уезжать из России! И я ее понимаю – мне кажется, в прошлой жизни я была русской...

[Россия](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/zhyuli-mulen-ne-ponimaya-1990-e-nelz-ya-ponyat-sovremennuyu-rossiyu>